

рами, так и с органами земского самоуправления. Действенность этих взаимодействий рассматривается им как показатель функциональной эффективности губернаторства. На первый взгляд, какое отношение эта проблематика имеет к заявленной теме исследования – отношениям губернаторского корпуса с центром? Однако избранный ракурс повествования – раскрыть участие центральных властей в, казалось бы, внутригубернских отношениях – заставляет признать уместность названного сюжета в работе. Можно констатировать, что институт вице-губернаторов вообще мало анализировался в историографии и поэтому вызывает большой научный интерес. Минаков показывает, что «вице-губернаторская болезнь» (ставшее широко известным выражение губернатора И.Ф. Кошко, с помощью которого он негативно оценил вклад вице-губернаторов в усиление эффективности регионального управления) не являлась единственным возможным вариантом развития отношений губернаторов со своими заместителями. Однако единой тенденции здесь не наблюдалось, в отличие от системы взаимоотношений между

губернаторами и земствами, которые к началу XX в. все больше перерастали в конструктивное сотрудничество. Важнейшим инструментом в последнем случае стали так называемые обязательные постановления. Им в монографии уделено особое внимание. Убедительно показано, как взаимная работа по их подготовке становилась базой для налаживания доброжелательного и сугубо профессионального отношения к делу.

Таким образом, в монографии А.С. Минакова проведен комплексный анализ ключевых аспектов взаимоотношений центра и губернаторского корпуса с позиций эффективности механизмов власти. Книга написана хорошим научным языком, учитывает современный уровень российской и мировой исторической мысли и вносит существенный вклад в развитие истории российской государственности. Она будет полезна и интересна всем интересующимся историей пореформенной России.

С.В. Любичанковский,
доктор исторических наук
(Оренбургский государственный педагогический университет)

И.В. Лукоянов. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Нестор–История, 2008. 668 с.

Монография И.В. Лукоянова является не просто обобщающим трудом по истории дальневосточной политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв., выявляющим несостоятельность мифов, почти столетие воспринимавшихся как очевидность, не нуждающаяся в критическом осмыслении и дополнительной проверке. Помимо этого достоинства, уже делающего книгу значимой вехой в развитии современной исторической мысли, следует отметить и то, что в ней при рассмотрении, казалось бы, сугубо внешнеполитической темы особое внимание уделяется процессам, происходившим во властных структурах, способам формирования, принятия и реализации политических решений. Международные отношения здесь «по большей части индикатор», реже – «катализатор» проблем, возникавших во внутренней политике (с. 9). Можно лишь сожалеть о том, что кандидатская диссертация автора, в которой «технология власти» рубежа XIX–XX вв. реконструируется на высоком профессиональном уровне, не была полностью издана и мало известна широкому кругу историков¹.

В подробном историографическом обзоре убедительно показано, что исследование

темы, долгое время воспринимавшейся исключительно как предыстория русско-японской войны, далеко не исчерпано. Для ее освещения в советское время было характерно «осовременивание истории в угоду официальному антиамериканизму». Об этом свидетельствует и цитируемое Лукояновым письмо Б.А. Романова к А.Л. Сидорову, в котором прямо говорится о намерении ученого при подготовке нового издания «Очерков дипломатической истории русско-японской войны» «американизировать изложение сплошь» (с. 49–50). Вместе с тем, признавая несостоятельность предвзятого антиамериканизма, Лукоянов не впадает в другую крайность и не преуменьшает роль европейских союзников и заокеанских спонсоров Токио. Так, возражая британскому историку Я. Нишу, излагающему, по сути, японский взгляд на истоки конфликта 1904–1905 гг., он подчеркивает, что именно «англо-японский союз сделал для Японии нападение на Россию возможным», причем без этого союза, а также без «финансовой поддержки США» русско-японская война вообще «вряд ли имела бы место» (с. 61). В своей монографии Лукоянов внимательно фиксирует и развивает наблюдения Романова, «одной из несомненных заслуг»

которого стало «создание богатой фактами картины межминистерских разногласий при определении курса России на Дальнем Востоке». Впрочем, по мнению автора, его предшественник все же «несколько недооценивает этот фактор, преувеличивая влияние С.Ю. Витте» (с. 48).

Первая глава книги посвящена проектам создания Транссибирской магистрали, которые рассматриваются в качестве отправной точки новой дальневосточной политики России. Анализируя историю вызревания идеи проведения железной дороги к берегам Тихого океана, Лукоянов указывает на преобладание геостратегических соображений над материальными расчетами. Об этом свидетельствуют преднамеренное удешевление строительных работ и изначально заложенные технические параметры, обусловившие весьма скромные пропускные возможности магистрали и потому не позволяющие говорить о «важной коммерческой роли» трассы (с. 79). В качестве транзитного пути дорога оказалась мало востребованной (с. 80). В главе обстоятельно рассказывается о Китайской Восточной железной дороге (КВЖД), являвшейся частью Транссиба и одновременно элементом масштабных проектов Витте, стремившегося к мирной и неспешной, растянутой на 25–50 лет, аннексии Маньчжурии (с. 94–95), а также анализируются споры о необходимости для России незамерзающего порта на тихоокеанском побережье. Во второй и третьей главах сложное переплетение стратегических и меркантильных соображений, определявших действия России в Восточной Азии, характеризуется в контексте общей экономической политики империи в регионе и в связи с операциями Русско-Китайского банка, служившего главным инструментом влияния Витте на Дальнем Востоке. Подводя итоги экспансионистского курса министра финансов, исследователь констатирует: «С.Ю. Витте сделал ставку на авантюрный рывок, совершенно не подкрепленный необходимыми расчетами. Не удивительно, что он жестоко обманулся, а всю его “программу” постиг неминуемый полный крах» (с. 162).

В четвертой главе автор сосредоточился на предыстории созного договора с Китаем 1896 г. При подготовке этого трактата, как отмечает исследователь, принимавшиеся решения оказывались результатом «несогласованных, а иногда и противоречащих друг другу действий, исходивших одновременно от нескольких ведомств». Такое «отсутствие единства» Лукоянов считает «важнейшим симптомом системного кризиса самодержавия», предопределившего «крах дальневосточной политики» (с. 222). Еще большей непоследова-

тельностью и неопределенностью отличались, по мнению автора, действия России в отношении Кореи, описанные в пятой главе. Возглавившего в 1897 г. МИД гр. М.Н. Муравьева беспокоило ухудшение отношений с Японией из-за в общем-то ненужного Сеула. Витте же продолжал настаивать на приобретении тихоокеанского порта, теперь уже на восточном побережье Кореи. В результате Петербург – во многом по собственной вине – попал в ловушку. Стремясь сохранить Корею в качестве буферного суверенного государства, Россия старалась не дразнить Японию и в то же время не делать ей односторонние уступки. Такое шаткое балансирование не могло продолжаться долго, и после приобретения Порт-Артура и Даляня Петербург был уже не прочь разменять Корею на Маньчжурию при условии, что Токио со своей стороны подтвердит независимость Сеула. Несимметричность подобного размена была очевидна: в случае его реализации Россия получала гораздо больше преимуществ, чем Япония. После боксерского восстания в Китае Петербург еще сильнее утвердился в намерении отстаивать именно такой, несимметричный, обмен при соблюдении в качестве неременного условия принципа нейтрализации Кореи. У Японии не осталось иного выхода, как заключить союз с какой-либо великой державой для решения корейского вопроса в выгодном для себя (а значит, в антироссийском) ключе, и весной 1901 г. Токио начал переговоры с Лондоном. Лукоянов обращает внимание на чрезвычайно важный нюанс этих контактов: англичане, по его словам, «внушали» своим партнерам по переговорам, что у тех «есть права на Маньчжурию, за которые следует бороться» (с. 282). Таким образом, намечавшееся англо-японское сближение уже изначально имело антироссийскую окраску. Сохранение же неопределенности в отношении корейской проблемы и во время переговоров Японии и Великобритании явилось «серьезным промахом» российской дипломатии (с. 283).

«Резкий поворот» корейской стратегии Петербурга, в 1898 г. демонстративно дистанцировавшегося от корейского монарха и других пророссийских сил в Сеуле, как совершенно справедливо замечает исследователь, привел к тому, что дальневосточная политика России раздвоилась на «царскую официальную и царскую же, но неофициальную» (с. 275), проводившуюся безобразовцами. Такая двойственность была вынужденной: Россия не хотела сворачивать свою корейскую политику, но уже не могла проводить ее открыто. Деятельность безобразовцев явилась не столько реакцией на неудачную политику Витте, сколько неизбеж-

ным маневром в чрезвычайно узком коридоре возможностей. Зимой 1902–1903 гг. произошло любопытное совпадение: Витте, главный лоббист размена Кореи на Маньчжурию, утратил «решающее влияние» в определении дальневосточной политики, Петербург возобновил в отношении Сеула «активные действия», от которых отказался в 1898 г., одновременно усилили свою деятельность безобразовцы (с. 296). Однако ни Витте, ни МИД, ни безобразовцы не смогли распутать затянувшийся узел. Раздвоившись, дальневосточная политика не стала более эффективной. Между тем через полгода после начала англо-японских переговоров Токио перестал торговаться об условиях размена и потребовал от Петербурга односторонних уступок в корейском вопросе. А после того, как англо-японский союз был заключен, американский президент Т. Рузвельт уже откровенно заявил пускай и в частном письме: «Япония должна завладеть Кореей, дабы составить противовес русскому распространению в Маньчжурии» (с. 293). Поэтому так ли уж тенденциозен был Романов в своем преднамеренно усиленном в «Очерках» «антиамериканизме»? Со своей стороны, Лукоянов утверждает, что, вопреки устоявшемуся в зарубежной историографии мнению, действия Петербурга в отношении Сеула не могут рассматриваться в одном ряду с шагами других держав, в частности, Японии. Россия не намеревалась захватывать Корею, хотя бы потому, что не имела для этого возможностей. Но между тем именно корейский вопрос вызвал серьезное противостояние в петербургских «сферах» и оказался пусковым механизмом русско-японской войны (с. 297–298).

Рассматривая в шестой главе обстоятельства захвата Россией Порт-Артура, автор убедительно оспаривает привычное его объяснение, восходящее к воспоминаниям Витте и до сегодняшнего дня безраздельно господствующее в историографии. Захват Ляодунского полуострова, осуществленный по совету гр. Муравьева, мемуарист противопоставлял проводившейся им «мирной» экспансии в Китае. В результате, утверждал Витте, отношения с Пекином были испорчены, а война с Японией оказалась неизбежной. Как показывает Лукоянов, Петербург изначально намеревался получить в качестве незамерзающего порта Киао-Чао, но после вторжения туда немцев России пришлось искать другой пункт. Тогда гр. Муравьев и предложил занять Порт-Артур, поскольку приобретение какого-либо порта в Корее немедленно обострило бы отношения с Японией. К тому же в тот момент существовала реальная угроза вхождения в Порт-Артур англичан, что вообще сильно усложнило бы за-

крепление России в этом регионе. Характеризуя в седьмой главе англо-русские переговоры 1898–1899 гг., Лукоянов вслед за зарубежными историками указывает, что и во второй половине 1890-х гг. намерение Англии договориться с Россией «по широкому кругу международных вопросов», в том числе и относительно интересов на Дальнем Востоке, было «серьезным и искренним» (с. 329). Но, хотя Лондон после восшествия на престол Николая II был готов пойти на сближение с Петербургом, «молодой самодержец отнесся к этому без энтузиазма, охраняя, в первую очередь, русско-французский союз» (с. 328). Разумеется, на исходе XIX в. Россия имела все основания не доверять демонстративной английской заинтересованности в новом формате отношений между двумя империями.

Поэтому занятие Порт-Артура явилось неизбежным превентивным ходом Петербурга. Лукоянов называет «недопустимыми» высказывания, «в запальчивости» сделанные министром финансов в разговорах с английским и германским послами Н. О'Конором и Г. Радолином под впечатлением от занятия Порт-Артура (с. 310). Витте откровенно продемонстрировал, что готов заботиться об интересах государства лишь тогда, когда они совпадают с его собственными, в противном же случае он ни перед чем не остановится. В конце 1903 г., уже будучи председателем Комитета министров, в беседе с японским посланником в Петербурге Ш. Курино он фактически прямо рекомендовал Токио начать войну против России, рассчитывая вернуть утраченное влияние после неминуемого банкротства безобразовцев (с. 560–561). Как бы то ни было, аренда Ляодунского полуострова указывала на то, что «монополия» министра финансов на проведение дальневосточной политики закончилась. На нее стали активно влиять МИД, военный министр А.Н. Куропаткин и безобразовцы (с. 322–323).

Однако вскоре боксерское восстание, втянувшее в китайскую политику великие державы, изменило расстановку сил в петербургских «сферах». Влияние Витте снова возросло, ему удалось убедить Николая II в необходимости отказаться от планов аннексии Маньчжурии (на чем сам же прежде настаивал) и этим ослабить позиции Куропаткина. На стороне Витте выступил и новый руководитель внешнеполитического ведомства гр. В.Н. Ламздорф. Подписанное в марте 1902 г. соглашение с Пекином фактически аннулировало союзный договор 1896 г., предоставлявший России значительные преимущества. Оставление русскими войсками Маньчжурии без какой-либо компенсации (за исключением разве что подтверждения Пе-

кином контракта на КВЖД) означало, что, ведя переговоры, министр финансов за несколько лет последовательно сдал собственные (и одновременно государственные) позиции. Более того, с этого момента «уже можно говорить о системном кризисе всей дальневосточной политики России»: «Механизм постановки целей и выбора путей их реализации окончательно перестал работать как единое целое. После 1902 г. Петербург так и не мог решить, что именно он хочет и возможно ли этого добиться. Все тонуло в соперничестве сановников, к которым к тому же подключились безответственные личности» (с. 399). При этом, как ни странно, разбирая маньчжурские дела 1903 г., автор не упоминает об отставке Витте с поста министра финансов и назначении его председателем Комитета министров.

Для понимания «неофициальной» дальневосточной политики исключительно важен проведенный Лукояновым в девятой главе монографии анализ деятельности безобразовцев. Устоявшиеся в историографии представления об этой группе зачастую неточны и в значительной степени мифологизированы. Объективной причиной ее возникновения, как отмечает автор, стала потребность в политике, альтернативной виттевской, обреченной на поражение. Этот вывод Лукоянова можно подкрепить суждением, что «неофициальная» политика должна была проектироваться и проводиться не государственными институтами, а закулисными структурами, для которых легализация просто противопоказана. Похоже, возымел действие и распространявшийся безобразовцами слух о причастности Витте к «тайному масонскому всемирному правительству» (с. 454). Осенью 1904 г. Николай II в разговоре с кн. П.Д. Святополком-Мирским прямо заявил о своем недоверии к председателю Комитета министров из-за подозрения, что Витте – масон². Поэтому сомнительно, что к началу лета 1903 г. Витте, пусть и «ценой полной капитуляции», но все же «имел шанс» остаться министром (с. 458). То, что император заговорил о масонских связях Витте с навязанным ему, а потому изначально не пользовавшимся доверием, Святополком-Мирским, свидетельствует о значимости подобного мнения для его мировоззрения.

Тем не менее глубокое неприятие не мешало императору поручать Витте исключительно ответственные мероприятия (например, заключение в 1904 г. торгового соглашения с Германией или переговоры в Портсмуте). Не исключено, что почуствовав резкую перемену в отношении к нему со стороны самодержца (произошедшую, скорее всего, не из-за провала его дальневосточного курса, а в силу сугубо личных ценностно-мировоззренческих моти-

вов) и желая красиво уйти, дабы потом иметь возможность вернуться, Витте сам провоцировал свою отставку. Так, в письме к гр. И.И. Воронцову-Дашкову он, по сути, предъявлял Николаю II ультиматум: «либо министр финансов, либо безобразовцы» (с. 458–459). Во всяком случае, трудно объяснить «внезапную отставку» министра финансов исключительно его борьбой с «новым курсом» и полагать, что состоявшаяся 12 августа беседа императора с А.М. Безобразовым «определила судьбу» Витте (с. 467). Приписывать Безобразову какое-то исключительное влияние нет никаких оснований. К сожалению, Лукоянов чрезвычайно скупо говорит о роли В.К. Плеве в интриге против Витте, вспоминая о министре внутренних дел лишь тогда, когда игнорировать его уже невозможно. К примеру, рассматривая деятельность Особого комитета Дальнего Востока, он ничего не пишет о том, что именно Плеве считался фактическим руководителем этого учреждения (впрочем, сам комитет так ни разу и не собирався, функционировала только его канцелярия, которой руководил А.М. Абаза)³.

Отставка Витте воспринимается Лукояновым как «торжество безобразовцев» (с. 467). Впрочем, развить успех им явно не удалось. Как признает автор, после отставки Витте влияние Безобразова «несомненно уменьшилось по сравнению с первой половиной 1903 г.» (с. 466), провалились из-за «определенной позиции» нового министра финансов Э.Д. Плесске и вынашивавшиеся безобразовцами планы по реорганизации финансового ведомства (с. 471). Приведенный в книге материал свидетельствует скорее о кризисе «неофициальной» политики, нежели о ее «торжестве». И это косвенно указывает на высокую степень самостоятельности императора накануне войны с Японией. «Симпатии» к Е.И. Алексееву и безобразовцам мало что значили для реальной политики, поскольку Николай II «не разделял полностью ни одной точки зрения» (с. 551). Кстати, скрупулезно изложенные историком в десятой главе версии о причинах стремительной карьеры Алексеева (с. 514–515) также убеждают в несостоятельности укоренившегося в историографии представления об исключительной роли безобразовцев в создании дальневосточного наместничества.

Проследивая в одиннадцатой главе ход переговоров с Японией накануне войны, Лукоянов упрекает царя в отсутствии решительных и энергичных действий и приверженности «осторожной и неоднозначной позиции» (с. 531). Однако утверждение автора, будто «до мая 1903 г.» Николай II «продолжал колебаться» (с. 531), не согласуется с изложенной им далее «новой программой», одобренной импе-

ратором уже в апреле после встреч с военным агентом в Китае К.И. Вогаком и Безобразовым (с. 454, 533–534). Итог переговоров исследователь расценивает как победу японской «партии войны», во многом обусловленную «информацией о хаосе, царящем в русских верхах» (с. 570). Но, учитывая непомерные аппетиты и амбиции Токио, можно ли было вообще рассчитывать на достижение в результате петербургских переговоров «компромиссной точки зрения»? Япония хотела войны с Россией, она заручилась мощной финансовой подпиткой и дипломатической поддержкой Англии и США. Оставалось лишь найти повод, и тут помог «малоадекватный» и не сомневавшийся в том, что дело идет к столкновению, Алексеев со своими маневрами. При этом, по мнению Лукоянова, в 1903 г. недопустимо было «делать вид, что Маньчжурия – предмет лишь русско-китайских отношений», и игнорировать интерес к этому региону Великобритании и США (с. 537). Тем самым он снова косвенно признает частичную правоту Романова. Рассуждения же о том, что «договориться с США было проще, чем с Англией» (с. 537–538), спорны, поскольку не учитывают роль влиятельных, хотя и неофициальных американских деятелей, крайне заинтересованных в сглаживании Японии и России (таких, как руководитель американской банковской фирмы «Кун, Лэб и Ко» Я. Шифф и др.).

Образец блестящей исторической аналитики представляет собой заключительная глава книги, посвященная завершившим войну переговорам в Портсмуте. Используя как известные, так и впервые вводимые им источники,

Лукоянов убедительно доказывает, что плата России за проигранную войну оказалась минимальной, прежде всего, благодаря «Николаю II, проявившему незаурядную для себя твердость духа (редкий пример в его царствование) и не поддавшемуся на уговоры и угрозы ни С.Ю. Витте, ни Т. Рузвельта, ни Вильгельма II» (с. 617).

Монография И.В. Лукоянова, несомненно, является книгой-событием. Она задает новую, очень высокую планку для последующих исследований не только внешней, но и внутренней политики России на рубеже XIX–XX вв.

Д.А. Андреев, кандидат исторических наук
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова)

Примечания

¹ Лукоянов И.В. Проекты изменения государственного строя в России в конце XIX – начале XX вв. и власть (проблема правового реформаторства). Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1993.

² Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. Т. 77. М., 1965. С. 259. На обыгрывание безобразовцами масонского фактора в интригах против Витте ранее указывали Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин (Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 131–132; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 32).

³ Об особой роли Плеве в создании этого комитета см.: Judge E.H. Plehve: Repression and Reform in Imperial Russia, 1902–1904. Syracuse, 1983. P. 168.

Б.И. Колоницкий. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 664 с., ил.

Несколько эпатажирующее название книги известного петербургского историка заимствовано у религиозного философа С.Н. Булгакова, рефлексировавшего в своих мемуарах по поводу собственного чувства любви к последнему российскому императору (с. 9, 578). Возникает вопрос: как могло случиться, что бывший социолог-марксист уверовал в божественную природу традиционной власти, а в массовом сознании, напротив, развернулся процесс ее десакрализации, принимавшей откровенно похабные формы?

«Образы власти» не исчерпываются ритуальными сценариями ее репрезентации – они всегда корректируются снизу. Природа это-

го процесса кажется почти неуловимой, ибо сакральное всегда провоцирует глумливость. Особые коллизии возникают в экстремальных ситуациях, когда неуклюжая власть пытается подправить свой имидж. Впрочем, автор избегает излишнего теоретизирования, предпочитая последовательно проследить, как возникали, распространялись, взаимодействовали и, наконец, какую роль сыграли слухи, порочащие императорскую фамилию в годы Первой мировой войны.

В первой главе «Образы монархии и политические слухи» показано, как в возмущенном информационном пространстве деформировались привычные представления. По мнению